

Глеб Иванович Успенский

В деревне

Глеб Иванович Успенский
В деревне
Серия «Очерки и
рассказы (1862–1866 гг.)»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664775*

Аннотация

В творчестве Успенского это произведение обращает на себя внимание потому, что здесь, несмотря на кажущуюся мимолетность и случайность записи впечатлений путешествующего человека, Успенский глубоко и типически верно показывает жизнь пореформенной деревни и полную беззащитность, растерянность и беспомощность крестьян, обреченных правительством, как говорит автор, на «повсеместное объегоривание».

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глеб Иванович Успенский

В деревне

(Летние сцены)

I

...В самую страшную полуденную жару мы расстались с городом; здесь в эту пору мертвенность полная; ставни заперты, и по опустелым улицам друг за другом гоняются песчаные вихри, по временам подхватываемые неизвестно откуда налетевшим ветром. Неслышно катится наша повозка по пустынным переулкам, прилегающим к полю; кое-где врезывается она в вязкую грязь никогда не пересыхающей лужи, и потом – снова не слышно шума колес и стука неподкованных лошадиных копыт, только мелкая песчаная пыль не отстает от нас и густым облаком ползет под повозкой. Миновав почерневшую и насквозь прожженную каменную кузницу, внутри которой глухо шипели мехи, густо разлетались изпод тяжелого молота искры и суетились закопченные кузнецы, изредка выбегая наружу с надвинутой на затылок шапкой и ручьями черного пота на лице, – мы, наконец, совсем расстались с городом. Меньше и меньше слышится кузнечный молот, и скоро хор кузнечиков, грянувший во ржи, глу-

шит его своим назойливым чириканьем... В эту минуту вы чувствуете себя хорошо, и потому именно, что невыразимо быстро мелькнувшая картина городской жизни нарисовала вам целые толпы людей, которые разом разевают свои рты, говорят что-то, и вам, как жителю города и знакомцу этих людей, не нужно иметь слишком чуткого уха, чтобы расслышать здесь жалобы, просьбы. Жалобы эти так стары, столько веков зудят они над человеческим ухом, что для действительной помощи им ни во что пошла бы целая ваша жизнь, да и то ничего не вышло бы. А поэтому-то в настоящую минуту в вас и родилась хоть и дикая, но совершенно законная дума: «Слава богу, что мне самому не пришлось протянуть ног в этом бучиле».

Жара не дает вам покою; вы жмуритесь; лоб болит, и кажется, что вместе с вами жмурится и само солнце от нестерпимого блеску и духоты. Черные, кое-где уже вспаханные под озимое поля, словно в дыму, тонут в синеве палящего зноя, который обдает собою верхушки соснового леса, отчего ярче виднеются красные сосновые стволы, будто освещенные снизу кострами. Картина, раскинутая перед вами проселком, не может похвалиться особенным разнообразием: вдали видны неподвижно растопыренные мельничные крылья, ярко зеленеет лоскут конопли, врезавшийся между ржи, а повсюду – и направо и налево – по отлогим равнинам разбросаны разноцветные шашки полей. Там и сям, в разных точках над колосьями, виднеются нагнутые бабьи спины, ви-

ден взмах пучка срезанных колосьев, загорелое лицо бабы, обернувшейся посмотреть на вас, и потом снова нагнутая спина ее.

Все это молчит, без умолку работает; в эту пору в деревне не сидит сложа руки ни одна человечесья душа; а поэтому постоянная безлюдность и без того глухого проселка увеличивается теперь в сотни раз и, наконец, начинает вам надоедать... Кроме лесов и ржи, вам хочется встретить хоть одну живую душу, – будь то становой, который не замедлит при этом обдать вас песком и пылью и оглушить неистовой трескотней колокольчика, или простая деревенская баба, – все равно. И вот, наконец, вдали показывается телега; на возу с каким-то продуктом, плотно укрытым кожей и увязанным веревками, покоится мещанин, подставив спину солнцу и подложив руки под голову; воз поровнялся с вами и проехал; вы опять в поле и здесь имеете достаточно времени рассуждать о том, почему при таком незначительном случае, как ваша встреча с мещанином, не могло обойтись без того, чтобы мещанин или ваш возница не наехали друг на друга, не сцепились осями и оглоблями и не послали друг другу «чорта», «подлеца» или «идола»...

После этого и вы и мещанин спокойно продолжаете свой путь. С пригорка возница начинает придерживать лошадей и направляет их мимо мостика, почему-то предпочитая вязнуть в трясине и плестись шагом; но скоро, – вспомнив, что мост этот принадлежит к числу повинностей, исполняемых

натурою, – вы и сами оправдываете возницу, потому что всякая подобного рода штука в результате непременно постарается устроить вам какое-нибудь увечье или калечество. На этих-то пунктах, на этих-то лжеудобствах и вывихиваются руки, шеи, ноги; здесь-то ломаются ребра и сокрушаются кости... А поэтому мы крайне счастливы, что перебрались на другую сторону помимо моста. Медленно взбираемся мы на небольшую песчаную возвышенность и на самом высоком пункте этой возвышенности, на перекрестке двух дорог, натываемся на два маленькие креста простой, мужицкой работы. Стоят они на распутии одни-одинешеньки и говорят прохожему народу о какой-то загадке, и слишком уж страшный смысл этой загадки, неизвестно, впрочем, почему представляющийся таким, заставляет каждого прохожего постоять тут и покреститься...

– Не знаешь ли, брат, что это за кресты? – спрашиваете у возницы.

– Тут *такие* люди зарыты.

– Какие люди?

– Смертобивцы...

– Кого же они убили?

– Да они сами...

Не обладая слишком размазистой фантазией записного литературщина, можно почти мгновенно сварганить по этому случаю забористую драму из народной жизни, – стоит только обставить жизнь этих смертобивцев разными

прискорбиями; тут рисуются изверги-старосты, прелестная Офелия-Фекла, грустно ободряющая возлюбленного фразою такого, например, рода: «Еще розы не перестали цвести – не горюй, ненаглядный Вахрамей», и проч.; словом, все что угодно; и если в эпилоге, когда стонущие решаются выпалить в свои лбы, прибавить заунывную песню и заставить хоть полминуты пошуметь темный бор, – штука выйдет весьма потрясающая... Героев можно, впрочем, для большей народности, втащить на осину и тут покончить с ними; выйдет картина еще капитальнее...

– Так ты говоришь, что тут самоубийцы? – спрашиваете вы извозчика опять.

– Так точно...

– Не знаешь ли ты, брат, отчего это они?

Извозчик повертывается к вам и произносит:

– Да вот, извольте видеть, отчего: первое дело они это напились, как, можно сказать, свиньи, ды ночью-то и врюхались в это самое болото, в полуу воду!.. Так совсем с лошадыю.

– А-а!..

И тут разрушается такой удачный, только что состроенный план народной драмы.

Скоро ваше внимание привлекает толпа народу, разлегшаяся на границе леса, в тени. Не хорошо постигая, в чем дело, вы обращаетесь снова с вопросом:

– Что такое?

– Мижавые, – говорит возница и потом прибавляет: – которые мижують... Ишь народу-то наволок! – недовольно заключает он.

– А что?

– Да как же: ему по закону-то трех бы человек надуть, а он целую деревню томит попусту...

Подъехав, вы действительно различаете целую кучу людей, посреди их стоит около инструмента таксатор¹; по полю шагает мужик с шестом в руке, на котором вверху привязан белый лоскут.

– Зачем же он их томит-то?

– Да, стало быть, для него это много лестней...

Межевой, завидев вас, и в особенности то, что вы так пристально смотрите на него, мгновенно забирает себе в голову изумить вас своими подвигами и так разукрасить их, чтобы вы откровенно сознались, что тут ровно ничего не смыслите, но что он, напротив, все это до тонкости понимать может. С этою целию он вдруг приободряется, засучивает, словно для драки, рукава, в то же время громогласно командуя мужикам с шестами, произносит какое-то мудреное слово, которое вы только слышите, но понять может исключительно он один, и, упершись засученными руками в бока, прищуривает один глаз и прицеливается другим в шелку алидады²...

---

¹ *Таксатор* – лесовод, специалист по определению количества и качества древесных насаждений.

² *Алидада* – счетная линейка; употребляется в инструментах, служащих для

Побежденные таким горячим делом, мы едем далее и скоро въезжаем в прохладную тень леса... Колеса наши часто подпрыгивают по обнаженным, далеко протянувшимся корням придорожных деревьев и потом снова вязнут по ступицу в песок. Лесная проселочная дорога начинает мало-помалу расширяться и, наконец, небольшой полукруглой лужайкой врезывается в лес... На этой лужайке торчит одинокая хибарка, которая еще издали произвела на наших лошадей какое-то приятное, знакомое впечатление: они приободрились, побежали рысцой и прямо к хибарке. Несмотря на то, что кучер усердно теребил вожжами лошадиные рыла, желая направить коней на дорогу, – кони выгнули свои спины, дружно наперли грудью вперед и как вкопанные стали у хибарки...

– Ах, черти подлые!.. Как они к этому кабаку приучены, – говорит извозчик. – Хошь глаза завяжи, и то разнюхают этот кабачище...

Стало быть, как часто нужда, горе или что-нибудь другое толкает русского мужика к кабаку, если даже лошади уловили типические черты этого заведения и по чутью распознают его повсюду.

Избенка, около которой остановились наши лошади, помещалась одна-одинешенька среди леса, тянувшегося длинной полосой. Она была очень ветха. На соломенной крыше, почерневшей и плотно склеенной частым мхом, кое-где

росли целые кусты разной травы, из-за которой выдвигалась черная деревянная труба, сверху защищенная крышей. Наружу избенка смотрела маленького дверью, в которую можно было пролезать, только согнувшись особенным образом, каким заставляет сгибаться только страшное уважение к сивухе. Маленькое оконце, словно старческий глаз, пораженный бельмом, уныло смотрело на дорогу и редких проезжих, и только в это оконце обитатели избенки награждались светом божиим. В избе было сыро и пустынно; в углу в сенях валялась собака и при появлении нашем как-то испуганно вытаращила глаза, будто не знала: что ей – брехать или нет?

Извозчик предлагает нам отдохнуть и закусить. Он распрягает лошадей, а мы, пока старая баба возится около загнетки, стряпая яичницу, отправляемся в лес... Чем дальше пробираемся мы в его прохладную чашу, разгребая руками ветки и снимая с лица беспрестанно цепляющуюся паутину, тем более и более охватывает нас со всех сторон такая деловая и полная любви и серьезности жизнь, что вы среди такой пустыни не смеете и на мгновение подумать о скуке или желании вернуться назад. Над вами и со всех сторон вы слышите говор спокойный и счастливый, видите неумолкаемую работу целых благоустроенных царств. Тут все до такой степени свято и цельно, что вам кажется, будто ваша собственная особа здесь совершенно ни при чем; вами не нуждаются; после вас во всяком случае окажется какой-нибудь изъян, нарушающий общую гармонию... И поэтому не мешайте

здесь и уйдите отсюда, если вас здесь серьезно что-нибудь не интересует.

На пути попадаются нам срубленные бревны, разбросанные там и сям и говорящие, что тут был человек, – и действительно, вы скоро выступаете на вырубленную среди леса площадь, на которой устроен майдан (особого рода печь для гонки дегтя). В настоящее время майдан пуст, только на самом дне вырезанного в земле конуса валяются потухшие и убеленные золою уголья.

Миновав майдан, мы снова в лесу, – а кругом такая невыразимая прелесть. Мы выбрались на дорогу, пролегающую через лес, и только что успели сделать несколько шагов, как встретились с большим тарантасом, ехавшим против нас. Узенькая дорожка не давала возможности свободно пробираться тройке, и пристяжные иногда отставали, осторожно перенося копыта через пни. Высокий кожаный верх зацеплял сучья, которые скребли по коже и заставляли ямщика нагибать голову, потому что рукастые ветки, того и гляди, сорвали бы с него шапку. Тарантас останавливается, и оттуда вылезает особа в военном сюртуке и кепи, а за ним простой мужик – караульщик леса. Вас интересует, зачем они приехали и что такое за дела они начнут тут делать, и поэтому минут через десять мы с лесничим знакомы.

– Вот наша должность, – говорит наш знакомец, – целый день на жаре.

– Какого же рода ваш труд?

– Варварский-с; я занимаюсь устройством лесов, лесных дач, – гордо говорит новый знакомый. – Недавно, – продолжает он, – я у помещицы Булавкиной устроил двести десятин – в одну неделю.

Вас, во-первых, несколько интересует, ... что такое именно значит *устроить лес*? И ежели это не какой-нибудь вздор, то не менее интересно узнать: как таким быстрым путем достигается благосостояние нашего лесного края? Вы изумлены, тем более, что знакомый, наш, продолжающий рассказ о своих трудах, поминутно растет в ваших глазах, ибо посмотрите-ко, от каких бед он вас обороняет:

– У нас в губернии, батюшка вы мой, считается по бумагам двести тысяч десятин лесу, а я вам даю голову на отсечение, что их нету и ста тысяч. Вот-с! Кроме того, есть еще такие лесные дачи, которых вы не отыщете с микроскопом. Вы не знаете даже, куда делись эти двести десятин, про которые вам доносят.

– Отчего же не привести это в ясность?

– В ясность? Вы потолкуйте *нашему-то*, который при ревизии смотрит у полесовщиков только пуговицы. Он говорит: «Зачем *там* беспокоить? Как думали, так пусть и думают». Но я этого не оставлю.

Господин устроитель порядка долго говорит в таком роде, и у вас радостно шевелится в голове: «Наконец-то, наконец-то».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.